

РАССКАЗЫ

Людмила
Тобольская

Людмила Тобольская

РАССКАЗЫ

Бостон • 2026 • Чикаго

Людмила Тобольская *Рассказы*
Lyudmila Tobolskaya *Short Stories*

Copyright © 2026 by Lyudmila Tobolskaya

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-14-7

Книга издана в авторской редакции с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

☐ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Book Design by Bagriy & Company, Chicago, IL © 2026

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

Правда как она есть	7
Опоздание	13
Посадочный талон	28
Варежки	32
Эхо	42
На дворе трава	46
Вечер	56
Наедине со всеми	60
Детство	68
Рудольф	77
Знакомство	89
Гость	92
Неповторимый друг	94
На поклонение своей святой	128
Об авторе	134

ПРАВДА КАК ОНА ЕСТЬ

Я нашла это написанное мною много лет назад письмо в старых бумагах, которые имею обыкновение разбирать вечерами у камина. И воспоминания, связанные с ним, показались мне настолько значительными, что я решилась прочесть его сидящему тут же в гостиной мужу.

«Глубокоуважаемый сэръ!

Будучи одной из тысяч почитательниц Вашего таланта, я бы никогда не рискнула написать Вам, если бы не одно извинительное обстоятельство: я в некотором роде тоже принадлежу к литературному кругу. Я, знаете ли, поэтесса. Начинаящая поэтесса. О нет, не пугайтесь, я не собираюсь высылать вам свои рукописи для прочтения, рецензии или, того хуже — вспомоществования в устройстве их в различные газеты и журналы Вашей страны. Я вообще пишу на другом языке, а упоминаю о своей творческой склонности только для того, чтобы показать Вам, что понимаю меру Вашего таланта, и я бы сказала — гениальности, ну как бы изнутри, в некотором роде профессионально.

Когда Ваши произведения в переводах стали появляться в нашей стране, я была восхищена, я ходила под обаянием Вашего мастерства как в бреду, я с трудом верила, что в человеческих силах создать такое совершенство, такую оригинальность и красоту. Мне хотелось высказать всё

это Вам, но, как говорится, «между нами были океаны» в реальном смысле этого слова.

Тем не менее, я всё равно мечтала о нашей встрече. Трудно сказать, что мне хотелось из этой встречи извлечь.

Чаще всего мне представлялось, что я звоню в Вашу дверь и Вы открываете мне. Дальше этого дело не шло. Моя фантазия стопорилась. Начальную сцену можно было разнообразить, представляя её как бы в разных декорациях (я не знала, как выглядит в реальности Ваша дверь). И в моих мечтаниях она представлялась то готической дверью старинного особняка где-то в фешенебельных кварталах, то увитой плющом дощатой дверью дома «в кантри», то старой скрипучей дверью в викторианском поместье. Мечтания эти были очень приятны.

Изредка, чаще всего по свежем прочтении очередного Вашего шедевра, в моём воображении вставала другая сцена, вернее, вариант первой, но уж совсем фантастический. Я представляла себе приход к Вашему дому и не звонок в Вашу дверь. Мне хотелось рано утром или поздно ночью, когда никто не может меня видеть, подойти к порогу Вашего дома и не то преклонить колена, не то поцеловать этот порог... Впрочем, уже тогда, посмеиваясь над собой, я отбрасывала в этих случаях дальнейшие мечтания.

Думаю, что подоплёка этой мечты—досада. Досада на то, что по свету разбросаны пишущие люди, которые могли бы друг другу быть интересны, хотя бы просто как собеседники и знакомые, но вместо того, чтобы встречаться друг с другом, им приходится встречаться с массой совсем не интересных обыденных людей в повседневной жизни и, может быть, ничего не знать о братских душах.

Всё, о чём я пишу Вам, было много лет назад и уже начало становится отдалённым воспоминанием юности. Но теперь обстоятельства повернулись так, что Вы и я живём не только на одном континенте, не только в одном штате, но в разных пригородах одного и того же города. Не правда ли, забавно?

Я знаю, что своим письмом я делаю что-то недозволенное, что так не принято, что есть множество всяких «но»,

которые могут Вам помешать ответить утвердительно на мою просьбу. О да, она есть. Это просьба о встрече. Я хочу заверить Вас только в одном: я хотела бы не более чем провести около десяти минут рядом с Вами, возможно даже без всяких речей, с меня было бы достаточно этого воспоминания.

Я не лью себя надеждой, что Вам было бы интересно побеседовать со мной.

Мой английский в зачаточном состоянии. Мои стихи не переводят на всевозможные языки народов мира. Кроме того, я понимаю, что уже сам факт написания мною этого письма делает меня в Ваших глазах несколько одиозной фигурой.

Но в моё оправдание разрешите мне ещё сделать маленькое лирическое отступление.

Мы редко позволяем себе раскрывать, как бы обнажая, жизненную правду друг перед другом. Мы стараемся завуалировать всё, что происходит с нами, с помощью этикета, недосказанности, стиля, галантности, всевозможных реверансов и ускользаний. Но порой, как перед расстрелом, уже нечего скрывать. Действительность, чаще всего в драматические минуты, правда вдруг обнажается и мы чувствуем жизнь как она есть. И вот жизнь, правда как она есть и представлена в моей просьбе. Я хочу Вас видеть. Много лет мечтаю встретиться с Вами. Несправедливо, что человек, которого я так уважаю и перед талантом которого я так преклоняюсь, никогда не открыл предо мною дверь своего дома. Позвольте мне навестить Вас».

Ответ содержал следующее:

«Уважаемая Госпожа!

Позвольте мне с высоты своего возраста, а также пользуясь тем, что Вы знаете меня столько лет, сказать Вам тоже всё, что я думаю. По вашему же выражению — „обнажённую правду“.

Итак.

Маленькая лгунья! Из всей белиберды, что Вы написали мне, я уяснил только, что Вы великая мастерица напускать туману как в собственную голову, так и в головы всех вокруг. Мне с трудом удалось спастись. Поэтому Вам будет разрешено увидеться со мной.

Но Вы будете наказаны Вашим же собственным оружием. Вам разрешается в течение десяти минут молча находиться в моём рабочем кабинете в то время, когда я занимаюсь своими письмами».

В конце стояла дата и время моего ожидаемого визита.

В указанное время он действительно открыл предо мною входную дверь, поздоровался за руку и молча устремился впереди меня по коридору, показывая путь, ведущий в его рабочий кабинет. Там он предоставил мне кресло и, осведомившись, удобно ли я в нём устроился, молча указал на большие стенные часы, показывающие пять минут третьего, и углубился в чтение своих бумаг.

Я начала осматриваться. Кабинет в доме, который весь был в хорошо сохранившемся викторианском стиле, конечно, напоминал классический кабинет писателя. Деревянные панели, резные застеклённые встроенные шкафы с книгами, лампы под большими абажурами. Этаким мистером Хиггинсом веяло от этого кабинета. Да и от его хозяина при всём современном его костюме и стрижке. Та же отрешённость, та же некоторая жёлчность и педантизм.

Но всё-таки было в кабинете одно, что сразу делало его и хозяина современными. Это были большого формата цветные фотографии, которые буквально застилали все вертикальные поверхности. Это были какие-то иллюстрации из путешествий. Какие-то лодки на открытых пространствах воды. Струящиеся и переливающиеся водопады. Сверкающие под солнцем озера.

Он заметил мой интерес к снимкам и, неожиданно оторвавшись от своих занятий, скороговоркой бросил:

— Это всё скоро будет убрано, я уже закончил работать с этим. Теперь начинается другая работа.

И он прервал начавшийся было диалогический контакт тем, что приложил палец к губам, показав мне таким образом, что разговор окончен.

Я продолжила свои молчаливые наблюдения. Рядом на столике заметила двухтомник Пушкина, перевод на английский, с двумя разными прекрасными пушкинскими портретами на суперобложке каждого тома. Это было приятно. Оглядевшись, я нашла ещё и полку с русской литературой. Конечно, Достоевский, потом шёл Гоголь, Тургенев... Часы пробили четверть. Хозяин поднялся из-за стола. Моя аудиенция была окончена.

— Ну как? — спросил он с торжествующей интонацией, подходя ко мне и улыбаясь.

Я чувствовала себя идиоткой. Ситуация была настолько неестественной, а он позволил мне оказаться в таком глупом положении, что я готова была разрыдаться.

— Ну, — не унимался он, — почувствовали, насколько неудобоварима бывает эта ваша, будь она неладна, правда как она есть? Посудите сами, на какие тягостные воспоминания вы обрекли себя. А ведь я только сделал всё, о чём вы просили. Не правда ли?

Я молча стояла как столб.

— Вот поэтому позвольте мне внести в нашу встречу немного пресловутой традиционности. В угоду галантности. Позвольте предложить вам выпить с нами по чашечке кофе. В столовой у жены уже всё готово.

Мысль, что он обсуждал с женой мой приход и, возможно, ознакомил её с моим посланием, была невыносима. Я совершенно не учла, что гении не живут в безвоздушном пространстве.

— У вас есть ещё и дети? — осведомилась я.

— Обо всём там! — указал он мне на выход в коридор. — Здесь вы фигура без речей.

Ещё около часа за столом прошли как в тумане.

Его жена, стройная пожилая дама делового типа, раза два отрывалась от разговора для ответа на телефонные звонки и потом, извиняясь, обсуждала с ним, продолжая чаепитие,

какие-то издательские подробности. Я плела что-то о моей зависти её творческому быту.

Провожая меня до двери, он сказал, что разрешает мне позванивать.

— А жене не завидуйте. Моим секретарём быть не сладко, вы ещё не знаете.

Я узнала, какво это, когда после её смерти, последовавшей от инсульта через шесть лет, вышла за него замуж.

Разглаживая рукой страничку старого письма, я чувствовала почти нежность к пожелтевшей бумажке.

— Как я благодарна тебе, дорогой, что ты хранил его столько лет. Сознайся, оно оказалось тебе не так уж безразлично.

Он только хмыкнул в ответ и улыбнулся:

— Сознайся лучше, что ты влюбилась в меня ещё на родине и только и мечтала выйти за меня замуж. А? Ради правды как она есть?

Конечно, я отрицала. В угоду элегантности. Но я много бы дала, чтобы знать настоящую правду. Как она есть.

*22 ноября 2002 года,
Джорданвилль*

ОПОЗДАНИЕ

Уже часам к двенадцати, всё ещё покачиваясь в тамбуре и перечитывая то и дело названия оставшихся станций, он понял, что поезд окончательно опоздал.

Сквозь городской вокзал он вышел в город около двух, огляделся и оторопел: площадь стала неузнаваема.

Скверик в центре, по которому они двадцать, нет, уже двадцать два года назад (вот чёрт!) лихо носились на «великах» во всех направлениях, где часто уезжающие и провожающие располагались с прощальной выпивкой и закуской прямо на траве, этот скверик сейчас имел чётко очерченные каменным парапетом границы. А дорожки теперь расходились лучами или, вернее, они сходились к центру, к фонтану, которого раньше не было совсем.

Почему-то он свернул к этому фонтану, посмотрел на толстенького фонтанного мальчика, играющего с дельфином в зыбком, образованном бьющими струями цилиндрическом пространстве. И мальчик, и дельфин были серыми и какими-то шершавыми. Он посмотрел на них... и решил пойти к своему прежнему дому пешком, не захотев спрашивать у прохожих, каким транспортом теперь можно туда добраться.

По дороге ему стало жарко, и он вспомнил, что в его детстве именно на этом месте мороженщик выдавливал из формочек белые барабанчики мороженого, ограниченные с обоих торцов хрустящей, быстро намокающей вафлей. Те-

перь мороженое продавалось тут же, но в киоске — обычные стаканчики и брикеты... Он даже встал было в очередь, но вдруг раздумал и на углу всё-таки взял такси.

...Он плохо помнил Николая. Сестра прожила с ним лет пятнадцать, и за все эти годы он встречался с Николаем, да и с сестрой, всего один раз. Тогда, недавно женатые, они заглянули к нему по дороге с юга, и сестра всё хлопотала, чтобы Николай произвёл на брата самое благоприятное впечатление...

— Гоголя, пять, — объявил шофёр и с шиком затормозил у старинного двухэтажного особняка.

Выйдя из машины, Сергей огляделся и понял, что поездка в такси была, пожалуй, необходима для него в городе, теперь ставшем мало знакомым. Прямо напротив него, на том месте, где они с мальчишками играли в военные игры и запутывали неприятеля в сложном лабиринте сараев и голубятен, в большие стеклянные двери вбирал толпу типовой универсам. Дальше шли ещё какие-то новые здания с разноцветными автомобилями у подъездов. Только группа особняков дореволюционного модерна напоминала о старом городе его детства.

Было странно стоять на улице, которая вся была не та, и в то же время узнавать каждую ступеньку каменного крыльца родного дома и медную в виде изогнутого стебля ручку на входной двери, и отчётливо помнить расположение разновысоких коридоров и комнат там, внутри.

В вестибюле и на ступеньках ведущей вверх мраморной полукруглой лестницы валялись зелёные листики и несколько раздавленных цветков гладиолусов. Дверь в их квартиру была распахнута. Там суетились незнакомые женщины. Он вошёл и огляделся.

Увидел столы, составленные буквой «П», доски-скамейки, накрытые половиками. На столе — аккуратные ряды тарелок разного рисунка и поблёскивающие на углу стола вилки, ножи, ложки. Приборы тоже были сборные — с металлическими, пластиковыми и даже витыми костяными ручками.

У проходившей мимо женщины он спросил, где хозяйка.

— Ирина Васильевна? Так все на кладбище... Сейчас должны вернуться...

— Сергей Васильевич?! — за спиной его стояла другая женщина, пожилая, совсем незнакомая.

— Да, — ответил он.

Она оживилась:

— Проходи-и-и-те, ждали вас... Что же вы в дверях... Проходите, отдохните пока.

Он сначала решил, что нужно им что-то объяснить, потом подумал, что ничего не нужно, но губы уже говорили:

— Вот, видите — опоздал всё-таки, не смог раньше...

Женщины жалостно выслушали его бормотание и, кивая, бочком-бочком разошлись по квартире — каждая по своим делам.

Следующая за большой, заставленной столами, комнатой была проходная. По ней женщины проносили из кухни закуску, пирамидки блюдец, стаканы, рюмки.

Ему захотелось до встречи с сестрой посидеть без людей, ни с кем не разговаривая. Он приоткрыл дверь в их бывшую с сестрой детскую. Там тоже была плотно наставлена мебель, перенесённая, видимо, из других комнат. Ни одной вещи он не знал. Он постоял на пороге. Свободного места было ровно столько, чтобы дойти до середины комнаты и сесть там в кресло, для чего пришлось снять с него опрокинутый стул. Под стулом на сидении кресла оказался небольшой обитый жёстью игрушечный сундучок, выстланный изнутри лиловым потёртым бархатом. Когда-то в нём хранились наиболее ценные их детские «богатства»: красивые «стекёлки», коробочки с бабочками и стрекозами в вате, какие-то иностранные монетки и старое дедушкино пенсне. Сейчас, открыв сундучок, он увидел там только кубики, старые их детские кубики-азбуку. Он их сразу вспомнил и даже нашёл кубик, на котором сторона с буквой «В» была темно-голубой и сильно затёртой, потому что кубик когда-то, неосторожно кинутый Ириной, побывал в банке с масляной краской. Он повертел кубик в руках... и тут услышал голоса входящих в квартиру людей, поспешно вышел в прихожую и сквозь открытую на лестницу дверь увидел внизу Ирину.

В первый момент она показалась ему очень похожей на мать двадцать лет назад: тот же возраст, те же голубые глаза и тонкие брови. Но в чёрном платке, поддерживаемая двумя старухами, сестра была совершенно не такой, какой он знал её всегда, — собранной, стремительной. Медленно поднимаясь ему навстречу по широкой лестнице, склонив голову на одно плечо, она уже издали, как будто специально для него, всё более и более складывала лицо в гримасу плача, а потом, подойдя, припала к его груди и неожиданно громко по-бабьи заголосила:

— Ой, Серёженька, братец ты мой милый, горе-то какое у нас!

Слова её, громко выкрикиваемые на площадке лестницы, где оба они стали центром внимания, неприятно поразили его.

Сергей в удивлении застыл, обнимая сестру. Он не узнавал её.

Он досадовал на сестру за эту театрализацию семейного горя и сердился на себя за это чувство. «Не хватало ещё, чтобы она начала причитать», — подумал он. И тут же Ирина, обхватив его ещё крепче, начала именно причитание:

— Коленька, Коленька, родненький ты мой! — забилась она в его руках, оглядываясь, однако, на окружающих. — И на кого ты меня оставил!

Этого Сергей вынести уже не смог. Обняв сестру одной рукой и раздвигая молча другой зачарованных наблюдателей, он буквально втащил её внутрь квартиры, распахнул дверь детской и усадил её в то самое кресло, в котором только что сидел сам.

— Успокойся, — сказал он, совершенно растерянный, и остановился над нею, опустив руки и не зная, что дальше делать и говорить.

Она успокоилась странно быстро. Достала из кармана пузырёк с мутной жидкостью и отпила немного.

— Это сердечные. На кладбище брала, — пояснила она и, сняв платок, распустила сбившиеся волосы и начала снова закручивать их в пучок, беря с колен шпильки одну за другой.

— Да-а-а... — протянула она. — Вот уж не думали, не гадали... И урожая не дождался...

— Какого урожая? — оторопело спросил он.

— Да садовый участок у нас. Целое хозяйство. Теперь эти оглоеды понаехали... зубы точат...

— Кто это?

— Да братцы его. Во морды-то!

«Что с ней?» — подумал Сергей, глядя, как тонко подобрались её губы.

— Ира, — мягко сказал он. — Что ты?

Сестра махнула рукой, блеснула на него полными слёз глазами и начала, прерывая себя плачем и сморканьем, как говорится, «собирать всё подряд». Скоро он перестал следить за её рассказом и лишь удивлённо наблюдал, как её всегда красивое лицо с ясным взглядом, открытое и доброе лицо, которое так шло к её профессии сестры милосердия, искажалось то ядовитой ненавистью, то злобным отчаянием. До его сознания доходили лишь отдельные фразы: «Конечно, когда мы с Колей голодранцами-то были, им до нас и дела никакого не было... Я ей говорю: «Да что я — дойная корова?» ...И едут, и едут, и всех принимай... Бетонированный погреб... двести литров... да варенья шестьдесят банок... Отец, правда, обещал помочь, да эти как завопили...»

И, слушая, Сергей начал осознавать, что приехал зря, бросив все свои дела, — он был совсем не нужен, успокаивать здесь было некого. И главное, через столько лет разлуки эта женщина казалась ему совсем незнакомой.

В дверь заглянула одна из старух:

— Ирина Васильевна, все сели, вас ждут.

— Пойдём, — энергично сказала она и встала.

* * *

Часа через полтора, всё ещё сидя за столом и наблюдая, как постепенно расковываются поминающие, как тут и там вспыхивает уже весёлый разговор, испуганно притихая и возникая снова, он слушал протяжную песню, которую затянула какая-то толстуха.

— Кто это? — спросил он Ирину.

— А... — махнула она рукой и выпила стопку «столичной».

Он решил, что уедет сегодня, взглянул на Ирину. Голова её клонилась. Ей явно надо было прилечь.

— Пойдём. — сказал он и поднял её за локоть.

Она встала, и, оставив застолье, они вышли в детскую. Здесь, переставив тумбочки и стулья, он докопался до диванчика в углу. Уложил на него сестру и сел на краешек в ногах.

— Засни, Ириша, — он мельком посмотрел в её сухие блестящие глаза. — Всё образуется. Возьми пока вот... — и он, смущаясь, вынул приготовленные триста рублей. — Я понимаю, что мало... это пока...

— Спасибо, — сказала Ирина, достала из кармана маленький кошелек и, мелко свернув деньги и с трудом заперев их в кошельке, сунула его обратно в карман.

— Ты поспи, — сказал он. — Там без тебя сегодня управятся, а я поеду.

— Как? Серёжа!

— Прости, торопиться надо — в клинике целое отделение на мне, сама знаешь, каково это... Я в другой раз подольше. И тебя к себе ждать буду.

Но он чувствовал, что ему совсем не хотелось, чтобы она приехала к нему.

* * *

Он с облегчением покинул квартиру, спускаясь по лестнице, в последний раз услышал доносящийся сверху возбуждённый говор и нестройное пение и закрыл за собой двойную дверь парадного.

На улице было ещё светло, не более шести вечера. Рядом с универсамом во дворе была детская площадка и скамеечки. Он сел на одну из них. Он смотрел на свой дом через улицу и думал о том, что сейчас пойдёт на вокзал и как же это так, не удастся ему, что ли, увидеть весь этот так чутко оставшийся в памяти, но теперь уже другой, неизвестный город? И когда он соберётся и соберётся ли сюда вновь?

И ещё он думал о сестре. Он вспомнил, как она приезжала к нему на похороны мамы. Как тихо сидели они у могилы перед отъездом сестры на вокзал. Кажется, и поминки были, правда, скромные. Пришли врачи — мамнины сослуживцы, пришли его товарищи по мединституту. Потом Ирина уехала, взяв на память мамин плед и тоненькое колечко с эмалью — подарок отца. Махала рукой из окна вагона. Стройная, спортивная. Смотрела долгим взглядом голубых глаз, полных слёз.

— Ничего, ничего, ты только не опускайся тут один, я буду приезжать.

Потом вышла замуж, приехала один раз и вот... Она была хорошей хирургической сестрой. Почему у него ни разу не возникла мысль предложить ей работу в его клинике? Почему он так спокойно жил, совсем не интересуясь, с кем она осталась на многие годы? Ушёл с головой в свою работу, в науку, так и не завёл собственную семью, детей...

Тяжесть на сердце, неприятные воспоминания о пребывании в доме сестры, досада на себя и на то, что всё так нелепо и, видимо, непоправимо, не давали покоя.

Занятый своими мыслями, он не сразу заметил, что рядом с ним, у качелей, подрались дошколята. Он очнулся, когда двое мальчишек уже основательно навалились на третьего, и тот, барахтаясь, завыл низким и отчаянным басом. Он кинулся к ребятам, неловко припадая на затёкшую ногу, и, схватив за шивороты обоих нападавших, растащил их на расстояние вытянутых рук. Лежащий на земле мальчик сел и взглянул на него зеленоватыми глазами.

— Ну, — спросил Сергей, — как ты?

Мальчик поднялся. Лицо его было в грязных пятнах, в волосах, золотых и волнистых, застряли травинки. Сергей вынул их и пригладил ему волосы, под рукой оказавшиеся удивительно шелковистыми.

— Как звать-то тебя, а? — спросил он, с удивлением прислушиваясь к нежным ноткам в собственном голосе.

— Ники-и-та... — протянул мальчик.

— Пойди-ка умойся, Никита.

И мальчик убежал.

Те двое уже давно отбежали в сторону, но не ушли, видя, что на них не обращают внимания. Он посмотрел на маленьких обидчиков:

— За что это вы его?

Мальчики ответили не сразу. Тот, что поменьше, в клетчатой рубашечке и в шортах, пожал плечами, а другой, повыше и побойчее, застегнув молнию на жилетике до самого горла, улыбнулся и сказал:

— А чего он... рыжий?

— Так вы только...

Мальчики приготовились на всякий случай бежать в разные стороны, но с удивлением увидели, что побежал от них — дяденька. Он перебежал на другую сторону, метнулся вправо, потом влево...

* * *

Сергею казалось, что дом 5-а был справа от его 5-го дома, что тогда, получив «Учительскую газету» с надписью на поле «5-а, 18» по ошибке в свой ящик, он выбежал из своего дома направо и потом всегда, навещая Анну Ивановну, поворачивал направо со своего крыльца. Оказалось, что её дом почему-то слева... Ну да, конечно слева, если смотреть с противоположной стороны улицы, всё правильно.

Войти в подъезд, подняться... и позвонить в квартиру 18. Как же он мог забыть, совсем забыть, не вспоминать столько лет. Просто дико... Если бы не этот рыжий мальчик... Идти, конечно, идти...

Но сначала он прошёл под аркой, уставился на угловой со двора балкон с полукруглым окном-дверью. Балкон был абсолютно пуст, как и тогда, ни мебели, ни цветочка. За окном до половины задёрнута плотная тёмная портьера. Была ли портьера тогда?

Он постарался вспомнить в подробностях обстановку находящейся за балконной дверью комнаты, такой, как она предстала ему в первое посещение, когда соседка Анны Ивановны, открыв квартиру и, выслушав мальчика с газетой, указала на одну из высоких светло-коричневых дверей:

— Анна Ивановна дома.

Мальчик нажал на ручку двери, и она совсем бесшумно отворилась. Ему показалось, что он вошёл в библиотеку — так много книг в больших старинных застеклённых шкафах было в комнате. Потом он понял, что половина книг — это отражение в высоком трельяжном трюмо в тяжёлой резной раме, занимавшем большое пространство противоположной стены.

Но самое интересное было прямо перед его глазами. У большой полукруглой двери, ведущей на балкон, за столом, покрытом поверх бархатной скатерти плотной бумагой, сидела старая женщина и что-то делала с большой странной черно-белой птицей, переступающей по столу с ноги на ногу и по временам слегка поднимающей большие крылья.

При появлении мальчика птица встрепенулась, рванулась, и старушка обернулась к двери, одновременно ловко обхватив ладонями туловище птицы и удерживая её.

— Что тебе, мальчик? — спросила она очень высоким и властным голосом и тут же обратилась к птице:

— Ш-ш-ш, успокойся, Клара... Так что? — снова обернулась старушка к мальчику.

— Вам газета, — сказал он и протянул ей газету.

— Подожди. — и старушка заговорила быстро. — Ты пугаешь её. Постой спокойно, мы скоро закончим.

И Сергей замер, наблюдая.

Старушка снова повернулась к птице, взяла в руки большой чёрный гребень и стала осторожно водить им по странному пегому, как бы линиялому, оперению. От каждого движения гребня по перьям они делались всё чернее и чернее. Старушка очень ловко вертела птицу, поднимала ей крылья и всё водила и водила гребнем, добиваясь одинакового чёрного цвета, и постепенно вся птица стала угольно-чёрной, гладкой и блестящей. И тогда мальчик с удивлением увидел, что это ворона, обыкновенная чёрная ворона, каких он сто раз видел полным-полно на улицах.

— Ну вот, Клара, теперь всё в порядке, можешь отправляться, — сказала старушка и положила чёрный гребень

в стоящую тут же на столе большую зелёную коробку. Потом она вынесла ворону на балкон, посадила на перила и погладила по спине. Ворона, притихнув, посидела несколько мгновений, зорко глянула через плечо на старушку, расправила крылья и широким полукругом спланировала с балкона куда-то за угол.

— Ну вот, — сказала старушка, возвращаясь с балкона и весело глядя на мальчика. — Ты, кажется, принёс мою газету? — спросила она и притянула руку.

Всё в этой старушке было необыкновенно: и её голос, высокий, как у девочки, ясный и чистый, и полное отсутствие какой бы то ни было суетливости, её сдержанные жесты, и, в то же время, — то, как она протянула руку, ни секунды не сомневаясь, что газета окажется в её руке. И действительно, Серёжа поспешил вложить в её руку свёрнутую газету.

— Ага, — сказала она, рассматривая карандашную надпись на полях. — Я догадалась, ты живёшь в пятом доме, правда? — и она весело посмотрела ему в глаза. Потом спросила, как его имя. Так и сказала, не «как тебя зовут», а «как твоё имя, мальчик». Затем опустила в кресло, положила принесённую газету на колени и взяла его за локоть.

— Так вот что, Серёжа. Я хочу попросить тебя никому не рассказывать о том, что ты здесь видел. Так будет лучше для нас с Кларой. Ты понимаешь меня?

Серёжа молчал. По правде говоря, он плохо понимал происходящее. Наконец он сказал самое главное из того, что его во всём этом занимало:

— Зачем Вы её красили?

— Затем, что Клара — особенная ворона. Она уродилась белой. Это бывает крайне редко.

— Ну и пусть будет белая!

— Но другим птицам это непонятно, и её бьют.

Серёжа наконец начал что-то понимать. Он перевёл взгляд на большую зелёную коробку. Стенки её были разрисованы потемневшими от времени золотыми стеблями и белыми лилиями. Внутри были уложены разноцветные гребни и среди них — тот самый, чёрный, которым красили Клару.

— А это что? — спросил он, указывая на гребни.

— Это гребни Эйлера... Сейчас ты узнаешь, что это такое. Садись.

Он сел на стул против неё. Она слегка повернулась к шкафам, протянула, не глядя, руку, точным движением достала с одной из полок толстую, оказавшуюся широкой книгу и положила её на колени мальчика. Он посмотрел на обложку и прочёл большие изогнутые буквы, наложенные на картинку, на которой группа красивеньких карапузов поливала какие-то грядки. Буквы складывались в слово «НИВА». Там же значилось ещё: «Иллюстрированный журнал литературы, политики и общественной жизни». Серёжа с интересом перевернул страницу, но старушка сказала:

— Нет, смотри в конце, там, где реклама.

И она, протянув руку, сама раскрыла страницы в нужном месте. Это были листы, широко расчерченные вдоль и поперёк, и в каждой секции были помещены объявления. «Элегантные дамские сёдла для верховой езды» — прочёл он и ниже увидел нарисованное лицо очень забавного господина с пухлыми усами и прилизанными волосами на прямой пробор. Левая сторона причёски и усов была цвета самого бумажного листа, правая — чёрного. «Самокрасящие гребни Эйлера» — значилось над головой господина. — «Удобно и совершенно безвредно. Всевозм. цвета и оттенки. Гарантия — до мытья. Стоимость набора из дюжины гребней — 3 р. Пересылка — 50 коп. В восточные губернии — 1 р.»

Он прочёл ещё раз о прочности окраски и взглянул на Анну Ивановну:

— Значит, Клару нужно подкрашивать?

Старушка грустно усмехнулась:

— Увы...

— Часто?

— Это зависит от погоды... Но ты сам увидишь, если будешь нас посещать.

Так и сказала, «нас».

* * *

Потом Сергей понял, что Клара действительно была как бы членом семьи одинокой Анны Ивановны. Ни братьев, ни сестёр у старушки не было. Даже жених её, молодой учитель, фотография которого стояла на подзеркальнике, был убит ещё во время Первой мировой войны, то есть до революции. Анна Ивановна была классическая старая дева.

Мальчик стал приходить в её дом часто. Она величественно встречала его на пороге и протягивала руку. Он брал её за руку и шёл за ней в комнату. И всегда комната эта поражала его преобладанием в ней коричневатого, какой-то светло-кофейной дымкой, исходящей как будто от всего: и от бежевых тиснёных обоев, и от дубовых створок книжных шкафов, и от резной, замысловато изогнутой тёмной рамы трельяжа, и от старинных, в кожу переплетённых книг с золотыми буквами на корешках. И только сама хозяйка со своими удивительно пушистыми, серебристыми, даже какими-то голубоватыми, изящно подколотыми кверху волосами, с нежной, очень белой кожей лица и узких рук, с неизменным кипенно-белым шёлковым или кружевным жабо у горла, как бы распространяла тихое перламутровое свечение в приглушённой коричнево-бежевой атмосфере своего дома.

Сергей никому не рассказывал об этих своих посещениях. Они казались ему странными, фантастическими пребываниями внутри пространства тех старинных коричневых фотографий на толстом картоне с медалями, что остались от бабушки и дедушки и хранились в альбоме у его матери.

Когда Серёжа входил в комнату Анны Ивановны, она обычно говорила:

— Сергей, ты очень кстати. Сейчас будем пить чай.

И доставала тонкие чашки с фигурами китайцев на мостиках и около маленьких домиков с изогнутыми крышами.

Иногда в чаепитиях, если прилетала, участвовала и Клара. Тогда балконная дверь раскрывалась, и гостье ставилась

специальная мисочка на маленьком столике на балконе, в которую хозяйка клала кусочки пирога, мяса, овощей.

— Вороне где-то Бог послал кусочек сыру, — неизменно говорила хозяйка.

Клара была, в сущности, почти ручная. Но в комнату сама никогда не являлась. И всякий раз, когда перья её уже начинали снова белеть, Анна Ивановна вносила её в комнату, запирая за собой балкон. Клара, впрочем, не особенно сопротивлялась. И к присутствию Серёжи тоже скоро совсем привыкла.

* * *

Однажды он встретил Анну Ивановну зимним днём на улице возле рынка. Она была одета в серое пальто с меховой оторочкой по горлу и рукавам и в руке держала маленькую ёлочку.

— Сергей, ты очень кстати! — величественно сказала она, радостно взглянув на него своими искристыми глазами. — Это наша ёлка. Ты мог бы мне помочь отнести её домой?

По дороге они купили ещё электрическую гирлянду.

— У меня никогда не было электрической гирлянды. И понимаешь, я мечтала именно о такой: чтобы лампочки были очень-очень маленькими и разноцветными! — призналась она.

С тех пор они стали вместе выходить прогуляться. Причём Анна Ивановна таскала Серёжу то смотреть, как протягивают троллейбусные провода, первые в городе, то на рытьё котлована для новостройки («Смотри, смотри, какие ковши!»), то на ледоход («Когда я была маленькая, я вскарабкалась во время ледохода на прибрежную льдину, и меня чуть не унесло. Представляешь?»).

Однажды она остановила его у старого деревянного здания, на дверях которого была табличка: «Курсы повышения квалификации работников лёгкой промышленности», и сказала тихо:

— В этом доме, в гимназии учительствовал мой отец, а потом мы с Константином Дмитриевичем.

Он взглянул в сумерках в её лицо, и оно показалось ему вдруг странно молодым и красивым. Блеснув глазами, она неожиданно предложила:

— Здесь за домом раньше был большой сад. Посмотрим?

Они обошли дом и действительно нашли сад и погуляли по оттаявшим дорожкам, и потом вышли с противоположной стороны на параллельную улочку. И в этот вечер Сергею попало за позднее гуляние.

А потом маме дали клинику и она уехала, взяв с собой Серёжу. Ирина осталась доучиваться в медицинском училище.

Перед отъездом он зашёл проститься с Анной Ивановной и Кларой.

— Это очень удачно, Сергей, что ты едешь в большой город, где сможешь учиться в институте или даже в университете. Это очень важно! — радовалась она.

Ждали Клару, но она всё не прилетала.

— Как нарочно! — досадовала Анна Ивановна. — А вот завтра как раз явится.

Она отошла к окну и сказала, стоя спиной к Сергею:

— Я часто думаю, что будет с нею? Ведь я не вечная, а вороны, говорят, живут триста лет?!

* * *

И всё-таки старушка могла ещё быть жива, могла, при всех подсчётах! Позвонить два раза — и она снова величественно встретит его на пороге и протянет руку (теперь он понимал, что этот жест остался у неё от привычки протягивать руку для поцелуя).

Он уже собирался идти в подъезд, когда на её балкон вышла молоденькая женщина и принялась развешивать на верёвке детские ползунки. Сергей развернулся и быстро пошёл со двора через арку на улицу. Здесь он остановился. В глаза ударило вечернее яркое солнце. На той стороне улицы рядом со входом в универсам копошились и кричали воробы.

Он решительно направился в сторону вокзала. На полянке знакомой детской площадки играли, бегали и кричали

О П О З Д А Н И Е

дети. Проходя мимо, он поискал глазами Никиту. Руке вдруг вспомнилось ощущение от прикосновения к шелковистым детским волосам. Но мальчика на площадке не было.

*15 августа 1981 года,
Москва–Переделкино*

ОБ АВТОРЕ

Людмила Тобольская родилась в России в городе Новосибирске 27 апреля 1940 года в семье балерины и оркестрового музыканта, артистов театра оперы и балета. С детства училась музыке, писала стихи. Впоследствии окончила музыкальное училище в Нижнем Новгороде по классу скрипки, работала несколько лет в театре и симфоническом оркестре города Сарова. Параллельно преподавала музыку в музыкальных школах Сарова и затем Нижнего Новгорода. В Сарове также вела программу истории искусства на местном телевидении. В 1973-м окончила театроведческий факультет Государственного института театрального искусства (ГИТИС) в Москве. Работала инспектором-куратором музеев Москвы в отделе музеев Главного Управления культуры Исполкома Моссовета. Затем — главным хранителем шереметьевского дворца-музея в Останкине (музей-театр XVIII века). Помогала в экспозиционной и хранительской работе музею Московского Хореографического училища при Большом Театре Союза ССР.

С 1968 года её статьи печатались в газетах и журналах Москвы и других городов. Позднее начинает писать и печатать свою прозу. В 80-х годах занимается в литературных семинарах при Московском отделении Союза писателей РСФСР (особенно повлияли на профессиональное становление Людмилы Тобольской писатели Леонид Жуховицкий и Юрий Нагибин). В начале 80-х работала в газете «Московский литератор» Московского отделения СП РСФСР.

С 1991 года живёт в Америке, сначала в Техасе, потом в штате Нью-Йорк близ Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, центре Русской зарубежной православной церкви. Много лет в качестве автора и корректора участвует в издании «Православная Русь» Джорданвилльского монастыря.

Автор семи книг стихов и прозы. Печатается в русских и зарубежных изданиях. Лауреат и дипломант двух международных поэтических конкурсов Пушкинского общества в Нью-Йорке и международного IX Открытого творческого конкурса журналистов «Серебряное перо».

В книге Людмилы Тобольской представлены рассказы разных лет, написанные в разных странах и — в какой-то мере — в разных жанрах. Но все они — картины жизни нашего времени, XX и XXI века. Вторая половина сборника — это автобиографические рассказы из книги воспоминаний автора «Жизнь как неизбежный черновик».

ISBN 978-1-970342-14-7

